

Карабанова Надежда Валериевна

**ПРОЕКЦИЯ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ КАК ОСНОВНАЯ ЧЕРТА АВТОБИОГРАФИЗМА РОМАНА
И. С. ШМЕЛЕВА "ЛЕТО ГОСПОДНЕ"**

Статья раскрывает содержание понятий "автор", "авторское сознание", которые сложились в современном отечественном литературоведении. Особое внимание уделяется проекции авторского сознания в автобиографическом романе И. С. Шмелева "Лето Господне". Автор приходит к выводу, что в произведении представлено "двойное" видение мира, который предстает перед читателями, с одной стороны, глазами наивного, чистого ребенка, а с другой, глазами мудрого, взрослого человека, талантливого писателя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/6-2/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(60): в 3-х ч. Ч. 2. С. 16-18. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

7. Плавстов Г. К. «Теогония» Гесиода и Прометей. СПб., 1897. 579 с.
8. Салакая Ш. К. Абхазский народный героический эпос. Тб., 1966. 386 с.
9. Чиковани М. Я. Народный грузинский эпос о прикованном Амირани. М., 1966. 326 с.
10. Эсхил. Прометей прикованный // Античная драма. М., 1970. С. 35-116.

HEROES-THEOMACHISTS

Demchenko Aleksandr Ivanovich, Doctor in Art Criticism
Saratov State Conservatory named after L. V. Sobinov
alexdem43@mail.ru

The article makes generalizations regarding the sagas of heroes-theomachists. The sagas of Abrskil, Amirani and Prometheus achieved the highest popularity. The national hero of Abkhazia is Abrskil who glorified himself not only as an invincible bogatyr, defender of his people, but also as a benefactor of peaceful life. Abrskil image is similar to Amirani, the hero of Georgian mythology, who for the sake of people battled with monsters, taught the mortals to acquire the fire and process metals. Both of them combat the celestials, for which the latter punish them severely, chaining them in the caves of Caucasus. Interpreting the myths of trans-Caucasian martyrs allows identifying a lot of parallels with the well-known legend of Prometheus, which acquired world-wide popularity becoming a source of an "eternal theme" of art. Three rebels' culture-formative feats are perceived as a personification of inquisitive human thought.

Key words and phrases: sagas of heroes-theomachists; theomachism; culture-formative feats; personification of inquisitive human thought.

УДК 821.161.1

Статья раскрывает содержание понятий «автор», «авторское сознание», которые сложились в современном отечественном литературоведении. Особое внимание уделяется проекции авторского сознания в автобиографическом романе И. С. Шмелева «Лето Господне». Автор приходит к выводу, что в произведении представлено «двойное» видение мира, который предстает перед читателями, с одной стороны, глазами наивного, чистого ребенка, а с другой, глазами мудрого, взрослого человека, талантливого писателя.

Ключевые слова и фразы: автор; авторское сознание; рассказчик; автобиографическая проза; мир детства.

Карабанова Надежда Валериевна, к. филол. н., доцент
Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева
nadiakarabanova@rambler.ru

ПРОЕКЦИЯ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ КАК ОСНОВНАЯ ЧЕРТА АВТОБИОГРАФИЗМА РОМАНА И. С. ШМЕЛЕВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»

Проблемами автора и его сознания в тексте в разные годы занимались многие ведущие литературоведы, такие как М. М. Бахтин [1], Л. П. Водясова [2], Е. А. Жиндеева [Там же], Б. О. Корман [4], В. В. Одинцов [5] и другие. Так, М. М. Бахтин отделял авторское сознание от сферы самореализации персонажей и говорил о том, что автор может вступать в диалог, в определенные взаимоотношения со своими героями: «Каждое понятие, образ и предмет живут в двух планах, осмысливаются в двух ценностных контекстах – в контексте героя и в контексте автора... Эти ценностные реакции лежат в разных культурных мирах: ведь реакции героя, его эмоционально-волевая установка носит познавательный-этический и жизненно-реалистический характер, автор реагирует на нее и завершает ее эстетически» [1, с. 18]. Б. О. Корман проводит теоретическое единство между понятиями «автор», «объект», «субъект» и т.д. и определяет понятие *автор* следующим образом: «автор» – «субъект (носитель) сознания, выражением которого является произведение или их совокупность» [4, с. 41]. Литературовед в своих работах отделяет не только биографического автора от автора – реального человека, но также писателя от повествователя, и говорит о том, что «автор непосредственно не входит в произведение: какой бы отрезок текста мы ни рассматривали, обнаружить в нем непосредственно автора мы не можем; речь может идти лишь о его субъектных опосредованиях – более или менее сложных. Чем больше отрывки текста, тем в принципе сложнее система субъектных опосредований автора. Когда же мы обращаемся к произведению как целому, мы должны сказать, что автор здесь опосредован всей субъектной организацией» [Там же].

Современный исследователь В. В. Одинцов рассматривает образ автора «в формах соотношения повествовательного монолога и диалога, в специфике повествовательного движения и смены типов речи, в экспрессивно-стилистических особенностях текста, а также в отдельных суждениях и определениях, которые выходят за рамки конструируемого образа героя» [5, с. 178].

Наибольшую сложность, по нашему мнению, при исследовании образа автора и проекции авторского сознания в текст представляют собой произведения, относящиеся к автобиографическому жанру, так как в них авторское «я» и «я» персонажа практически идентичны. Следует отметить, что многим писателям, работавшим

над автобиографиями о детстве, удалось разделить главного героя и автора: их персонажи живут, думают, любят, ненавидят и, вместе с ними, параллельно в тексте присутствует взрослый повествователь, который комментирует, анализирует все происходящее. Примером могут служить произведения С. Т. Аксакова («Детские годы Багрова-внука»), Л. Н. Толстого («Детство», «Отрочество», «Юность»), Н. М. Гарина-Михайловского («Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры») и других авторов. Интересно в этом плане рассмотреть роман русского писателя И. С. Шмелева «Лето Господне» [7].

Не следует забывать, что при написании произведения личное всегда переосмысливается и переходит в общечеловеческое, всеобщее, поэтому жизненный материал, положенный в основу романа «Лето Господне», неизбежно подвергается писателем трансформации, соотносится с авторской концепцией и идеей. Собственная жизнь, внутренний мир, которые послужили для И. С. Шмелева исходным материалом, тесно переплетаются с художественным вымыслом, обобщением и типизацией. В результате автора-рассказчика в произведении можно представить как художественный образ, который близок и одновременно далек от реального биографического автора. В данном случае можно поставить знак равенства между автором и героем-рассказчиком. Однако их близость наблюдается не только в определенных биографических, исторических или конкретно-бытовых реалиях, которые могут «совпадать» или «не совпадать» с имевшими место событиями, но и в душевных переживаниях и духовных процессах, таких как ощущение гармонии детства, испытание катастрофы, постигшей Россию, утрата родины и т.д.

Роман И. С. Шмелева «Лето Господне» мы не можем назвать традиционным автобиографизмом, это не простое воспоминание и не документально-точное воссоздание событий. В романе, как отмечает литературовед Л. А. Смирнова, тесно соседствуют между собой детское и взрослое восприятия рассказчика: детский голос живо представляет собой реальность, а взрослый позволяет уже на витке философской зрелости осмыслить давние события. Голос этого умудренного жизненными страданиями рассказчика предвдывает главу «Рождество». За дорогими заметками памяти вдруг приоткрываются метафизические, глубинные авторские выводы о «душе» России. Говорится о щедрости русской рождественской торговли – «Широка Россия, – без весов, на глаз»; о русском морозе – «Морозная Россия, а... тепло!..» [6, с. 179].

В романе И. С. Шмелева перед читателем предстает ребенок семи лет, его взгляд на мир. По всем церковным представлениям Ваня считается еще безгрешным Ангелом, так как ребенок в этом возрасте еще не знает, что такое грех и не видит греха в других людях, поэтому и весь мир для него чистый, безгрешный, и все люди тоже чистые, добрые и безгрешные.

Фигура мальчика Вани – центр всего произведения. Герой является неотъемлемой частью мира, в котором живет. Все события даются через мировосприятие персонажа. Каждый праздник, будь то Рождество, Пасха или Масленица, автор представляет нам двойственно. С одной стороны – это реальное событие, произошедшее много веков назад, сакральное значение которого закрепилось в Празднике, с другой – это конкретный предмет как символ связи земного с небесным. Например, для Вани Масленица – это и «ухабистая снежная дорога, уже замаслившаяся на солнце», и жирные блины с пылу с жару, и чудесная «масленица» старичка Егорыча: «Я люблюсь-любуюсь “масленицей”, боюсь дотронуться – так хороша она. Вся – живая!.. Смотрю и думаю: масленица живая... и цветы, и пряник – живое все. Чудится что-то в этом, но что? Не могу сказать» [7, с. 134]. Писатель глазами своего героя, маленького мальчика, показал нам православную культуру конца XIX века, настоящих праведников и носителей святоотеческих заветов. Именно в этом и заключается маленькая модель Вселенной для Вани.

С другой стороны, это взгляд взрослого человека. Однако это не внешний взгляд реалиста, стремящего воссоздать все до мельчайших подробностей, а взгляд, прежде всего, христианина и человека трагической судьбы, который все это потерял: все его герои уже умерли, и нет уже и этой патриархальной России, но для него все это нетленно, и все они живы, так как бессмертны.

На наш взгляд, такая двойная фокусировка придает повествованию стереоскопичность: возникает объемная картина жизни, особая, по словам известного публициста Ивана Ильина, «шмелевская страна радости и благодарения, благодати и солнца» [3, с. 259]. Детское восприятие, несомненно, доминирует, так как представляет нам реальность, увиденную глазами ребенка.

Для И. С. Шмелева, детство не только возрастная, но, главное, духовная категория. В «Лете Господнем» соединяются как бы обе ипостаси понятия детства. «Детство» как воплощение духовной чистоты участвует в изображении впечатлений героя о предмете и стоит на первом месте. Не оставлено без внимания и буквальное понимание детства как возрастного периода, значение которого, в основном, раскрывается за счет эмоциональной составляющей повествования. Кроме того, именно детский – в традиционно-мирском понимании – взгляд преобразует обыденные предметы, наделяя их сказочными чертами. Взрослый же взгляд философски переосмысливает давно прошедшие события.

Следует отметить, что в художественных произведениях авторский замысел влияет на формирование как сюжета, так и композиции произведения. Акцентируя внимание читающих на поступках героев, писатель изображает множество внешних и внутренних факторов, определяющих действия персонажа: окружающая обстановка, люди, собственные мысли и эмоции и т.д. Однако выбор материала, отбор средств производятся в системе авторского представления об окружающем мире. В автобиографических произведениях образы автора и главного героя очень близки друг другу, так как писатель рассказывает о себе, своем детстве, своих переживаниях. Таким образом, мир в романе И. С. Шмелева «Лето Господне» показан сквозь призму мировосприятия ребенка. Открытость духовным истинам и восприимчивость к светлым впечатлениям, которые ребенок

легко и с радостью принимает, стали ведущими основами автобиографического повествования И. С. Шмелева. Вместе с тем, перед нами как бы «двойное» видение мира: изнутри детства, для которого характерна наивность, душевная простота, цельность восприятия, и с позиции человека, умудренного жизнью, многое пережившего.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
2. Водясова Л. П., Жиндеева Е. А. Способы представления авторского сознания как коммуникативная стратегия художественного творчества // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. 3. С. 44-46.
3. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Прогресс, 1993. Т. 1. 386 с.
4. Корман Б. О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов // Проблемы истории критики и поэтики реализма. Куйбышев, 1981. С. 39-54.
5. Одинцов В. В. Стилистика текста. М.: КомКнига, 2006. 264 с.
6. Смирнова Л. А. Русская литература конца XIX – начала XX вв. М.: Высшая школа, 2001. 276 с.
7. Шмелев И. С. Человек из ресторана. Лето Господне. М.: Дрофа, 2003. 387 с.

PROJECTION OF AUTHOR'S CONSCIOUSNESS AS THE MAIN FEATURE OF AUTOBIOGRAPHICAL CHARACTER OF I. S. SHMELYOV'S NOVEL "SUMMER OF THE LORD"

Karabanova Nadezhda Valerievna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseev
nadiakarabanova@rambler.ru

The article reveals the content of the notions "author", "author's consciousness" that formed in contemporary domestic literary criticism. Particular attention is paid to author's consciousness projection in I. S. Shmelyov's autobiographical novel "Summer of the Lord". The author concludes that the work presents a "double" vision of the world that is shown to the reader, on the one hand, through the eyes of a naive, pure child, and on the other hand, through the eyes of a wise man, an adult, a talented writer.

Key words and phrases: author; author's consciousness; narrator; autobiographical prose; world of childhood.

УДК 82-1/-9

Данное исследование посвящено формированию теоретико-методологических основ жанра шпионского романа-эксшена в контексте современных учений о жанре. Процесс жанроформирования представлен в виде клеточной модели, состоящей из жанровой матрицы и жанровой доминанты. Благодаря воздействию внешних факторов в аморфной оболочке возникают жанровые разновидности, в частности, шпионский роман-эксшен.

Ключевые слова и фразы: жанр; жанроформирование; шпионский роман; шпионский роман-эксшен; клеточная модель.

Любеев Виталий Сергеевич

Крымский университет культуры, искусств и туризма
lyubeyev@bk.ru

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ФОРМИРОВАНИЯ ЖАНРА ШПИОНСКОГО РОМАНА-ЭКШЕНА**

Определяя жанровую структуру шпионского романа, необходимо акцентировать внимание на том, что рассмотрение жанра шпионского романа как отдельно функционирующего жанра не является конечной целью нашего исследования, а мы лишь рассмотрим данное явление в части, непосредственно имеющей отношение к нашей работе – формирование теоретико-методологических основ жанровой модификации шпионского романа-эксшена. Тем не менее, за основу нами будет взята жанровая матрица шпионского романа и «клеточная» модель жанроформирования, разработанная М. В. Норцем [1] в его вышеупомянутом исследовании.

Так, в результате анализа накопленного литературоведческого материала, исследователь приходит к выводу, что предпосылками к возникновению отдельного жанра «шпионский роман» являются неразрывная связь исторического и литературного процесса, «подвижность» жанра, различные факторы, влияющие на жанровое «ядро» (термин М. В. Норца). В результате обработки полученных после анализа данных, автор предлагает следующий тип жанровой матрицы. В качестве методологической основы Норцц принимает к рассмотрению набор жанровых признаков, предложенных Н. Д. Тамарченко [6-10]. Однако признаки делятся на статичные и динамичные. **Герой** в представлении М. В. Норца [1-5] являет собой неизменный компонент жанровой матрицы, реализующийся через его действие в художественном мире, которое (в конечном счете, или в целом) нарушает и восстанавливает объективное мировое равновесие. Следовательно, он выделяет героя «поступка» и героя «сознания». Однако, по мнению Н. Д. Тамарченко, в романе, в целом возникает несовпадение героя со своей сюжетной ролью (функцией), которое непосредственно выражается в мотивах